

Фантастический рассказ

*...ранние предтечи
слишком медленной весны.
Ф. Тютчев*

Центральный комплекс Медицинского исследовательского института имени де Голля представлял собой два параллелепипеда — в двадцать один и тринадцать этажей, — возвышавшихся над раскинувшимся вокруг парком, словно поставленные на по-па кирпичи. Третий горизонтально пересекал их со второго по четвертый этаж, так что фасад напоминал небрежно написанное Н. На крыше далеко вылетавшего в сторону крыла разместилось кафе, защищенное от солнечных лучей тентом из пленки. Свет здесь был рассеянный и мягкий, а мощные кондиционеры позволяли свободно дышать даже в тридцатиградусную жару.

Чудин наискось пересек кафе и сел за угловой столик спиной к залу. Сквозь завесу из декоративного винограда просматривалось шоссе Бержерак — Либуэн, по кото-

рому иногда проскакивали машины — по большей части легковые. До вечернего заседания оставалось около часа, и Чудин не торопился. Напряжение, владевшее им во время выступления, спало. Сейчас ему хотелось выпить кофе с бриошами и посидеть, не думая ни о чем серьезном, чтобы дать мозгу такой же полный отдых, какой дает телу савасана хатха-йогов.

— Простите, месье Чудин...

Сзади стоял человек лет тридцати пяти — сорока. На круглом значке, приколотом к лацкану светло-серого пиджака, было написано: «Пресса. Сьянс э ви. Гийом Эме».

Чудин тоскливо вздохнул.

— Прошу вас, месье Эме.

Тот улыбнулся, сел, положил на стол плоскую коробочку диктофона.

— С вами приятно иметь дело, месье

Чудин! Сегодня я уже имел удовольствие слушать ваш доклад, но... Видите ли, «Съясн э ви» — издание популярное. Не согласитесь ли вкратце пересказать свой доклад так, чтобы это было понятно не только специалистам, но и нашим подписчикам? Им это, безусловно, будет интересно — ведь проблемы геронтологии волнуют каждого, каждому хочется жить, и жить долго... И, конечно, мы будем крайне признательны, если вы в нескольких словах охарактеризуете общее состояние геронтологии сегодня.

— С этого я и начну, — сказал Чудин, — тем более, что на нынешнем Конгрессе основные течения определились особенно четко.

— Каковы же они, месье Чудин?

— Прежде всего это классическая геронтология, то есть поиск, описание и изучение случаев естественного долголетия.

Затем — американская кибернетическая школа, представление о которой дает доклад доктора Смейерса. Считая человека морально устаревшей биомашинной, эта школа предлагает усовершенствовать его, превратив в «киборга» или «сигома». Для этого человеческий мозг должен быть помещен в тело, состоящее из легко заменяемых блоков, что открывает широкие перспективы к развитию и усовершенствованию «сигомов», дает возможность оснастить их рецепторами и эффекторами, человеку не присущими. Заменяя блоки по мере их изнашивания или устаревания, человек станет практически бессмертным. Впрочем, не человек. Ибо на смену Гомо сапиенс в этом случае придет Сигом сапиенс, столь же чуждый нам, как «маленькие зеленые человечки».

В-третьих, это биопротезирование. Последователи этого направления предлагают заменять изношенные или травмированные органы человеческого тела биологическими протезами, трансплантируемыми от доноров или же выращиваемыми искусственно. Процесс может повторяться неограниченно. В основе эта школа близка к кибернетической, хотя и уступает ей в смелости, так как не предполагает усовершенствования человека, который остается зато тем же Гомо сапиенс.

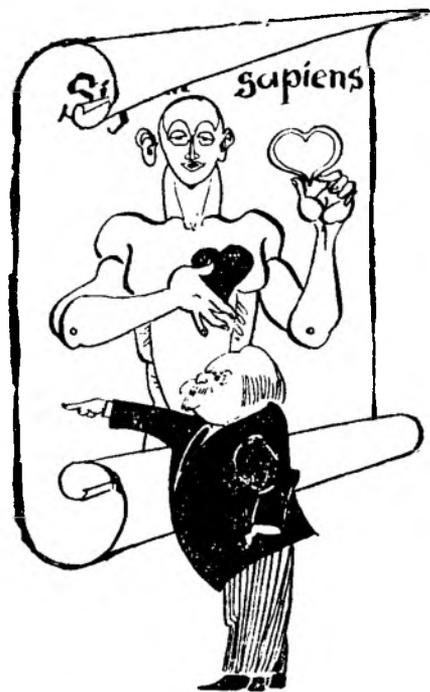
Четвертую школу можно назвать социальной. Ее положения таковы: человек живет в крайне неблагоприятных условиях — в загрязненной среде, зачастую в конфликте с обществом и так далее. Если убрать все эти вредные влияния, его жизнь удлинится без вмешательства в биологию до 300 по одним и 900 лет по другим прогнозам.

Все это — конечные цели, сверхзадачи, к которым пока еще делаются лишь первые шаги. Сегодня последователи всех школ решают строго локальные задачи, о характере которых можно судить по выступлениям на Конгрессе. Работа, выполненная нашим институтом, аналогичного свойства. Мы исходили из того, что процесс старения объясняется дефектами в производстве клеточного белка. Для борьбы с дефектными белками мы прибегли к тому же способу, что и природа, то есть к антителам. Сходную работу несколько лет назад выполнили биохимики лаборатории Оак Ридж в Ноксвилле. Они пересаживали костный мозг, орган, вырабатывающий антитела в организме. Это привело к значительному удлинению жизни: вместо средних 156 недель подопытные мыши жили 200—205. Мы же синтезировали искомые антитела искусственно. Останавливаться на технических подробностях в популярном обзоре, думаю, нет смысла.

— Благодарю вас, месье Чудин! Еще один, последний вопрос: какая из перечисленных школ соответствует вашим личным взглядам?

Чудин задумался.

— Мне кажется, истина должна лежать

не на каком-то из этих путей, а на их перекрестке. Недаром говорят, что мы живем в век синтеза: продуктов питания и пластических материалов, науки и искусства...

— От имени наших подписчиков благодарю вас, месье Чудин! — Эме поднялся, поклонился и переключал за другой столик, где о чем-то беседовали, оживленно жестикулируя, Бенини и Грассо.

Вечернее заседание было не особенно интересным. Профессор Хартмут докладывал о новом способе связывания свободных радикалов в клеточном белке. С работой этой Чудин был в основном знаком — как по опубликованным материалам, так и по непосредственным наблюдениям: в прошлом году ему довелось побывать в Эдичбургском Королевском биохимическом институте. Главное же, Чудин не считал это направление правильным. Все это: антитела, связывание свободных радикалов, удаление из организма тяжелой и сверхтяжелой воды — лишь попытки оттянуть неизбежный финал, *exitus letalis*. Организм — полностью автоматизированная фабрика по производству белка. До какого-то момента она работает исправно, производя брак лишь изредка, случайно, в совершенно безопасных количествах. И вдруг происходит «диверсия». Фабрика начинает вырабатывать все больше брака, наконец — только брак. Начинается эскалация производственных дефектов, катастрофа ошибок. И все, что делают пока геронтологи, — лишь попытка компенсировать этот брак в организме, борьба с последствиями «диверсии», а не с ее первопричиной. В то время как главное — найти «диверсанта», притаившегося в закоулках генетического кода, найти и своевременно обезвредить. Но — как? До чего же это унизительное чувство — томительное бессилие разума!

Вечером его спутники по делегации поехали в Бержерак. Чудин остался, так как уже побывал в этом провинциальном городке, гордящемся, что он — родина Сирано де Бержерака (хотя родился сей бретер, поэт и мыслитель, увы, в Париже...), маршала Ла Форса, метафизика Мэн де Бирана и энциклопедиста Проспера Фужера. Чудин осмотрел все места, связанные с этими именами, заглянул в книжные магазины, побродил по набережным Дордони... Больше ему нечего было там делать. Вдобавок сегодня его пригласили Лафаржи, а получить от французов приглашение домой — в высшей степени лестно.

Лафаржи были милой и интересной па-

рой. Оба они работали здесь же, в институте де Голля. Чудин зашел в номер, переделался и через парк направился к их коттеджу.

Институт занимал обширную территорию, расположенную на берегу Дордони километрах в десяти ниже Бержерака. Кроме центрального комплекса, здесь были два больших лабораторных корпуса, виварий и многоквартирный жилой дом для младшего персонала — профессорский состав жил в коттеджах, разбросанных по прибрежной части парка.

К себе Чудин вернулся за полночь.

Забавно, думал он, приняв душ и растирая полотенцем, на всех подобных симпозиумах, коллоквиумах и конгрессах самое интересное — не официальная часть, которую можно представить себе заранее, не работа семинаров и комиссий, а кулуарные разговоры, встречи, свободный обмен мнениями. Один этот визит к Лафаржам дал не меньше, чем два дня заседаний...

Чудин совсем уже собрался лечь, как вдруг заметил лежавшую на тумбочке у постели книгу. Мгновение он смотрел на нее, припоминая. Ах, да!

После вечернего заседания его оставил в коридоре человек невыразительной, незаметной какой-то наружности, от которой сохранились в памяти лишь темные очки в роговой оправе да алая розетка ордена Почетного легиона. Человек взял Чудина под руку, увлек в боковой холл и усадил на диван.

— Я задержу вас всего на несколько минут, месье Чудин! Позвольте представить: Анри Жермен, писатель. Точнее, писатель-фантаст, чем и объясняется мой интерес к науке, побудивший меня достать гостевой билет на этот Конгресс. Я слушал сегодня ваш доклад — это чрезвычайно интересно. Я всегда стараюсь следить за новыми работами в наиболее интересных областях науки, к которым, безусловно, принадлежит биология вообще и геронтология в частности. И мне хочется попросить вас принять в подарок мою последнюю книгу. Тем более, что в ней затронут ряд вопросов, связанных с... ну, скажем, геронтологией.

— Спасибо, месье Жермен, — сказал Чудин. Он не слишком увлекался фантастикой, хотя и не пренебрегал ею, подобно некоторым своим коллегам. — Прочитаю с удовольствием. Во всяком случае, с интересом — это я могу обещать твердо.

Жермен достал из своего портфельчи-

ка-атташе книгу в яркой суперобложке, написал несколько слов на форзаце и с улыбкой протянул Чудину...

Чудин дернул шнурок торшера, улегся поудобнее, взял книгу в руки. Называлась она довольно претенциозно — особенно для Франции — «Агасфер», хотя по объему была раза в четыре меньше сочинения Эжена Сю.

...Героя книги звали Анн де Ла Ним. Он родился в 1152 году, ознаменованном бракосочетанием Алиеноры, последней герцогини Аквитанской, с Генрихом Плантагенетом. Сын конюшего графа Тулузского, он воевал и кутил, предавался любви и обжорству, — словом, был истинным пантагрюэлистом, хоть и родился тремя веками раньше основоположника учения. Но постепенно пришло пресыщение. А его живой провансальский ум требовал пищи.

Он примкнул к катарам, вскоре став одним из «посвященных» этого вероучения. Когда папа и король французский ополчились на альбигойскую ересь, он, сменив рубище на доспехи, стал под знамена своего сюзерена Раймунда VI, графа Тулузского, забыв, что вера запрещает ему проливать кровь.

Был он и в числе последних защитников Монсегюра и тайным ходом, с шестью другими «посвященными», бежал из замка в ночь накануне резни, унося книги — главное сокровище альбигойцев, фигурировавшее среди непосвященных как «чаша Святого Грааля».

Такая трактовка Святого Грааля показала Чудину любопытной. Чаша — и книги? Впрочем, из книг пьют — знание. Как из Божественной Бутылки Рабле...

Судьба щадила Анн де Ла Нима. Не раз ускользал он от верной смерти, не раз был ранен, но — оставался жив. Во время осады Монсегюра ему было уже под семьдесят, хотя выглядел он сорокалетним. Сорокалетним он выглядел и тогда, когда понял вдруг, что живет не просто долго, а непозволительно, невозможно долго: потому что ему перевалило за двести лет. Пытаясь понять, почему так, он занялся медициной. И преуспел в этом занятии, прославившись впоследствии под именем мэтра Амбруаза Парэ. Говорили, что Парэ владеет эликсиром бессмертия. Ложь! Он просто был бессмертен. И кончина его в 1590 году была не более чем спектаклем, разыгранным в то изобиловавшее, помимо всего прочего, театральностью время: ясно стало хирургу Амбруазу Парэ, что основная его работа

отнюдь не врачевание, а составление ядов для Медичи и других...

Анн стал осторожен. Он понял, что ему лучше жить незаметно, меняя имена, прячась в глуши.

Снова объявился он лишь в 1750 году — под именем графа де Сен-Жермен. Приближенный ко двору, обласканный всесильной маркизой Помпадур, он быстро сколотил состояние, необходимое для жизни (ибо он привык жить, не отказывая себе ни в чем) и своих исследований,— и вновь удалился в свой замок, в далекую Голштинию.

Многое и многих повидал он за свою жизнь. Он беседовал с Эразмом и Мором, Артефиусом и Ньютоном... Как ни старался он жить спокойно, укрывшись в глуши своего поместья, войны Европы неумолимо вовлекали его в свою кровавую круговерть, а тяга к познанию нового то кидала на борт идущих в Новый Свет каравелл, то гнала в далекое царство пресвитера Иоанна или империю Великого Могола.

Умирили его друзья. Он жил.

Умирили его враги. Он жил.

Умирили его жены, дети и дети их детей. Он жил.

Жил, постепенно все больше подчиняя себя одной цели — стремлению понять, почему он живет...

Чудин с трудом оторвался от чтения. Было уже больше трех. Ох, и не выплюсь же я, подумал он, и прикинул: оставалось чуть меньше половины. Он закурил, положив книгу на грудь и глядя в потолок.

Безусловно, этот Жермен талантлив. Только настоящий талант способен создать такую достоверность. Не сочную, красочную достоверность романов Дюма, а не привычную для фантастики и потому тем более впечатляющую достоверность старой черно-белой кинохроники. Часто автор уходил от веками устоявшихся исторических представлений, но каждый раз его версия оказывалась убедительной, неправдоподобной порой, но вместе с тем удивительно реальной — как сама жизнь.

Чудин снова углубился в чтение.

...1970 год. Под именем профессора Леонара Дюбуа Анн де Ла Ним стал работать в Лионском институте геронтологии. Нет, он не нашел еще разгадки своего долголетия. Но некоторые мысли у него уже появились.

Бессмертие — что оно такое? Скажем так: неограниченное долголетие. Человек, наделенный таким бессмертием, может умереть от болезни или погибнуть в авто-

мобильной катастрофе. Такое бессмертие, в отличие от бессмертия — неуничтожимости, бессмертия — феникса, философски допустимо. И к нему человек стремился всегда.

Старение — это технология смерти, фокус саморазрушения генетического кода. Отдельные клетки человеческого тела, помещенные в питательный раствор, сперва развиваются подобно нормальным одноклеточным, но максимум через 50 делений, за пределом Хайфлика, их колония гибнет, тогда как обычная амеба может делиться бесконечно. Почему? Потому, что смерть — орудие эволюции, ибо только смертность индивида дает виду возможность эволюционировать, а значит — выжить.

Но... Привычные сроки жизни давно не устраивают человека.

В принципе человек бессмертен. Но есть в нем аппарат, который по достижении определенного возраста начинает вводить в процесс клеточного воспроизводства намеренные ошибки. Можно и нужно найти эту адскую машину эволюции, найти и обезвредить. И сделать это должна геронтология.

Однако, как всякий аппарат, эта адская машина иногда не срабатывает. Вот тогда-то и появляется на свет Агасфер и Анн де Ла Ним, Элиас и Аполлоний Тианский. Будущее отбрасывает свои тени в настоящее — гласит английская пословица. Эти люди и есть такие «тени будущего», бессмертные предтечи грядущего бессмертного человечества...

Чудин закрыл книгу.

Многие из высказанных Жерменом мыслей можно развить на более высоком научном уровне, гораздо подробнее и точнее. Впрочем, в романах этого и не требуется. Нет, но каков этот самый Жермен!

Чудин вспомнил лицо фантаста: невыразительное, неброское, с тонкими, но блеклыми какими-то чертами — лицо человека неопределенного возраста. Пожалуй, самое запоминающееся в нем — очки. А если их снять?

Нет, недаром лицо это в первый же момент показалось Чудину безотчетно знакомым! Когда он мысленно попробовал снять с фантаста очки, он понял это наверняка.

Они уже встречались однажды. Это было в 1756 году в Париже. Чудин состоял тогда в русском дипломатическом корпусе, а писателя Анри Жермена знали как графа де сен-Жермен... *Рисунки Е. Стерлицсвай*